

ОН ВОЗНИК на сцене как-то неожиданно и стремительно, словно после разбега из-за кулис, выскок, тонкий, со светлым юношеским лицом. Это было три года назад. Крымский государственный русский драматический театр имени Горького тогда впервые привез к нам на Кубань спектакль «Учитель танцев» — нестарую комедию Лопе де Вега.

Шла игра, шутивная и задорная, пронизанная музыкальной стихией, и все нити ее тянулись к молодому Альдемаро, учителю танцев. Как воплощение веселого духа драматурга, Александр Голобородько, который играл эту роль, устремлялся в головокружительный водоворот переживаний своего героя. Самим появлением он задавал спектаклю — жизнерадостный, солнечный тон и захватывающий ритм.

Голобородько занимало все, что происходило на сцене, и зритель оказывался вовлеченным в орбиту неподдельного веселья, становился не свидетелем его, а участником. Это был залог успеха.

Как с гребня волны в пучину, низвергался влюбленный Альдемаро с вершин счастья в пропасть отчаяния и тут же выплывал вновь, «победительный» и ловкий. С элегантной легкостью и изяществом проходил он сквозь затейливое кружево любовных интриг, расцветая его танцами и песней.

На сцене рождался блестяще отточенный танец-разговор, куртуазно-кокетливое объяснение не словами, а танцевальными па. Танец выражал все — любовь, насмешку, разочарование, вновь вслыхнувшую надежду. Исполненное огня болеро, пленительно томное аморозо — признание в любви, страстное и нежное.

Альдемаро — типичная для комедии маска удачливого влюбленного. Но за ней — индивидуальность актера: в точнейшем

соотношении романтизма, чуть пробирающейся ироничности. И еще в чистоте душевной, стоящей за пылкостью.

Любовь Альдемаро — сила, преодолевающая, кажется, не только жизненные препятствия, но и земное притяжение. Фигуральное «любовь возносит» получает вполне материальное выражение.

Более двух десятилетий непревзойденным «учителем танцев» был народный артист РСФСР В. Зельдин. А Голобородько — не двойник, а достойный его преем-

речь себя от унижений. Только, когда Рюи Блаз остается один, темперамент прорывает плотину сдержанности. Подавленные чувства восстают, выливаясь в лихорадочный блеск глаз, в шепот-молитву, шепот-заклинание.

Любовь королевы раскрепостила Рюи Блаза, утвердила его достоинство. Уверенной стала походка, взгляд приобрел властность и силу. Человек, умевший только подчиняться, научился повелевать. То, что подарила ему любовь — внутреннюю свободу и самоува-

жественный предательством, порывае связь с людьми.

На подавление забастовки прибыл войска. В их честь дает обед миллионер Громов. В черной фракционной паре он, как зловещая хищная птица, подстреленная, но еще сильная. Бурлящим темным потоком рвется речь, язвительная, хлесткая, как удар бича. Нагнетается тягостное предчувствие взрыва. И взрыв происходит. Словно подстегнутый неведомой злой силой, изливая себя в движении, танцует Прохор. Это танец-издевка, танец — отходная по промышленнику Громову, предателю и подлецу, но натуре яркой и недюжинной. Болезненно изломанные линии танца — символ изломанной жизни.

Пока разговор шел о ролях, которые накладывались на творческую индивидуальность актера.

ШПАГА, ЛЮБОВЬ И... САМОБИТНОСТЬ

ник. И, как знать, не работа ли над изящным обликом молодого дворянина помогла ему воплотить интеллектуальное изящество нашего современника Королева в спектакле «Возраст расплаты» Л. Жуховицкого, который, к большому сожалению, наши гости не привезли в Краснодар?

Природная грация предназначила Голобородько романтические роли. И потому вполне закономерна наша встреча с Рюи Блазом — творением Виктора Гюго. Встреча, возвышающая над повседневностью, возвращающая к детской мечте о подвигах и героях.

Артист предстает перед нами в двух ликах — Рюи Блаза и Сезара де Базана, неся двойную — эмоциональную и физическую нагрузку. Голобородько играет с жадностью, любит яркие краски, перевоплощается мгновенно, легко и свободно.

Рюи Блаз — замкнутый, легко ранимый, целомудренный и пылкий, унижаемый и гордый. Неуловимо тихим, осторожным шагом, не давая заглянуть себе в глаза, появляется он и исчезает, выполняя поручения своего господина. Ведь он — лакей. За этой поспешностью — стремление убе-

ждение — не сломили жестокость и хитрость, даже смерть.

Дон Сезар и Рюи Блаз — на противоположных полюсах. Высокое происхождение, которое Рюи Блазу дал случай, дону Сезару даровано судьбой. Обаятельный циник, видящий в жизни блестящую и увлекательную игру, искатель легкой любви и приключений, он идет по жизни, отталкиваясь от ее тягот, страданий и сострадания.

Голобородько искусно владеет шпагой, и нельзя не любоваться отвагой и мужеством его легкомысленного героя. У дон Сезара-Голобородько сторожкая грация пантеры, переходящей от обороны к нападению. Мгновенный пируэт, выпад — нет ли западни? И снова прыжок, фиксирующий тело в воздухе.

Выразительные улыбки актера — робкие, неуверенные, влюбленные — у Рюи Блаза, улыбка-оскал, защитная реакция на врага — у дон Сезара. Однако главная заслуга Голобородько в том, что он наполнил демократизм Гюго современным содержанием. Гюго написал поэму о любви, той любви, которая двигала государствами и распоряжалась судьбами людей. О любви, безбрежности ко-

А ведь в его репертуаре — роль Прохора Громова в «Угрюм-реке» В. Шишкова. Начало спектакля принесло разочарование. Артист романтического склада (имеется в виду романтизм в широком смысле слова, включая гражданский пафос современника), Голобородько не справился с бытовым планом. Прохор не преодолел утонченного изящества учителя танцев, был искусственным, неинтересным. Темперамент актера разбивался о приземленность образа. Но вот наступило третье действие... О нем надо говорить подробно, потому что новыми, трагедийными, границами повернулся талант Голобородько.

Прохор стал крупным промышленником, владельцем миллионного дела, и громадная машина послушно ворочается в его руках, перемалывая людей, выжимая пот и кровь и превращая их в деньги.

Прохор все время в движении: отдает приказания, грозит расправой, заигрывает с горничной. И мы не сразу замечаем его обреченность. Она проявляется пунктирно — в усталой интонации обычно властного хриплого голоса, во взгляде, холодном, цепком, оставшемся. Ненависть, которая пришла на смену вере, убитой соб-

А потом больная совесть взрывается галлюцинациями. Остро и жутко Голобородько завершает спектакль — сценой сумасшествия и самоубийства. Владение делом оказалось иллюзией. Дело, как паук, высосало Прохора и вышло из него в пасть смерти. Крах постиг того, кто стремился затормозить ход истории. Слепота человека вступающего в конфликт с будущим, всегда оборачивается для него гибелью.

Несколько слов о самом Александре Голобородько. Вот уже 10 лет с завидным постоянством работает он в Крымском театре, куда поступил после окончания Киевского театрального института. Ему везет. За это время он сыграл около 50 ролей.

Недавно он снялся в кинофильме студии «Таллинфильм» «Последняя реликвия» в роли Габриэля — эстонского национального героя, причем самые рискованные трюки он проделывал без дублера.

Блестящие сцены сценических ритмов, легкость трансформации, замедленная пластика движений, захватывающая радость и непосредственность. Не правда ли, эта характеристика несет элемент узнавания? Ну, конечно, Жерар Филип. Именно о нем вспоминаешь, когда видишь на сцене Голобородько. И это сравнение становится мерой его таланта.

Р. ЛОБЕЦКАЯ.

АЛЕКСАНДР ГОЛОБОРОДЬКО

9 ИЮНЬ 1970